
IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Л. П. ГРОССМАНА И П. П. ПЕРЦОВА

Публикация Михаила Эдельштейна

История отношений литературоведа Леонида Петровича Гроссмана (1888—1965) и мыслителя, публициста, литературного критика Петра Петровича Перцова (1868—1947), по-видимому, ограничена второй половиной 1920-х годов. Об их более ранних и более поздних контактах нам ничего не известно.

Вероятно, их знакомство состоялось в Государственной академии художественных наук (ГАХН), где Гроссман служил научным секретарем Литературной секции, а Перцов был одним из ее членов. В январе 1926 года, за два месяца до первого известного нам письма Перцова к Гроссману, Перцов выступил на заседании подсекции русской литературы Литературной секции с двумя докладами: «Ранний русский символизм» и «Московский символизм 90-х гг. (по письмам В. Я. Брюсова и личным воспоминаниям)».

Статус корреспондентов в эти годы весьма различен. Гроссман, помимо службы в ГАХН, — профессор Высших государственных литературных курсов, признанный исследователь, у которого практически ежегодно выходят новые монографии и сборники статей, а в 1928 году и собрание сочинений в 4 томах (5 книгах). Перцов же воспринимается скорее как литератор из «бывших», востребованный (весьма ограниченно) в первую очередь как свидетель минувшей эпохи, знакомый А. А. Блока, В. Я. Брюсова и др. Его основные труды — «Основания космономии», «История русской живописи», «Литературные афоризмы» — при жизни автора не увидят света (некоторые не изданы и до сих пор).

Переписка между Перцовым и Гроссманом строится по схеме, характерной для эпистолярия Перцова советских десятилетий. Лишившийся привычного круга общения, теряющий доступ в печать, вынужденный из-за отсутствия жилья надолго уезжать из Москвы, постепенно глохнущий, Перцов испытывает, так сказать, «комму-

никативную недостаточность». Обмен письмами он использует для развернутого обсуждения своих и чужих трудов и замыслов, одновременно адресуя корреспонденту те или иные просьбы (о содействии в публикации работ Перцова, решении квартирного вопроса, позже — о вступлении в Союз советских писателей и получении пайка и т. д.), в то время как его более вписанные в систему собеседники (назовем здесь, кроме Гроссмана, например, переводчика и исследователя французской литературы Е. А. Гунста (1901—1983), одного из основных конфидентов Перцова 1930—1940-х годов) сравнительно лаконичны, сдержанны и осторожны.

В период переписки с Гроссманом Перцов работает над «Литературными афоризмами»,¹ подытоживающими его многолетние размышления о русской литературе. Многие пассажи из публикуемых писем (об «ампириности» и «античности» Пушкина, его пластицизме, замкнутости внутри «петербургского периода» русской культуры и т. д.) почти дословно совпадают с текстом «Литературных афоризмов». В трудах Гроссмана, в первую очередь в книге «Этюды о Пушкине» (М.; Пг., 1923), Перцов находит идеи, созвучные его собственным, и восторженно откликается на это сходство. «Мы с Вами очень родственно воспринимаем Пушкина», — ответно констатирует Гроссман по прочтении соответствующего раздела перцовской работы.

Для настоящей публикации отобраны те письма Перцова и Гроссмана, которые связаны сквозным сюжетом — обсуждением пушкиноведческих сочинений обоих корреспондентов.

Из пяти известных нам писем Перцова Гроссману в публикацию вошли три. За пределами публикации остались, таким образом, два письма — первое и третье по хронологии.

В одном из них, от 14 марта 1926 года, Перцов обсуждает возможность издания в Германии («по-русски <...> или же уже в немецком переводе») избранных писем Василия Розанова к нему.² В другом, от 22 июля того же года, просит выяснить перспективы выпуска в издательстве «Academia» адресованных ему писем Вале-

¹ Опул.: *Перцов П. П. Литературные афоризмы* / Публ. Т. В. Померанской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1994. Т. 1. С. 212—236.

² «Вы лучше меня знаете, насколько велик сейчас в Германии (да и вообще в Европе) интерес к Достоевскому. А ведь Розанов — характерный “духовный сын” Достоевского, и я думаю даже, что для полноты знания Достоевского и всех вытекающих из него “следствий” необходимо знать и Розанова» (РГАЛИ, ф. 1386, оп. 1, № 112, л. 6). Публикация не состоялась. Переписка опубликована: *Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896—1918)*: В 2 т. / Подгот. изд. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2023.

рия Брюсова³ и заключает: «С большим удовольствием и пользой прочел еще две Ваших книжки, “Путь Достоев<ского>” и “Три современника”, и очень жалею, что не имею еще других. Особенно значительны статьи о Тютч<еве> и “Д<остоевский> и Европа”».⁴

Из трех сохранившихся писем Гроссмана мы публикуем два, опуская лишь ответ от 16 марта 1926 года на письмо Перцова о Розанове и Германии («к сожалению, у меня нет никаких сведений об издании русских книг за границей»)⁵.

Письма Перцова печатаются по: РГАЛИ, ф. 1386, оп. 1, № 112; письма Гроссмана — по: РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 121. Подчеркнутые в тексте слова передаются курсивом.

1

1926 19/V

Многоуважаемый Леонид Петрович!

Благодарю Вас и Редакционную Коллегию Словаря за любезное приглашение и посылаю мою автобиографию.¹ К сожалению, находясь в костромской деревне,² я слишком поздно получил Ваше уведомление и боюсь, что опоздал.

Еще боюсь — не слишком ли длинно? Если так, то сократите и вообще изменяйте без стеснений — это разумеется само собой.

Я уже около месяца как уехал из Москвы и пока не думаю возвращаться. Поэтому на случай надобности вот мой адрес: г. Кострома, ул. Советская, 18, магазин Красулина; в Иконниково, мне. Доходит скоро.

Как раз эти дни я читаю Вашу книжку о Пушкине.³ Поэтому разрешите воспользоваться случаем и выразить Вам мое *восхище-*

³ Книга «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову: 1894—1896 гг.: (К истории раннего символизма)» вышла в 1927 году в издательстве ГАХН. Полное издание двусторонней переписки: Литературное наследство. М., 2023. Т. 113: Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894—1911 гг. / Сост., вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова. «Официальным лицом для сношений Академии (то есть ГАХН. — М. Э.) с Academia» называл Гроссмана в 1926 году А. Г. Габричевский (Александр Георгиевич Габричевский, 1891—1968: К 100-летию со дня рождения. М., 1992. С. 156).

⁴ РГАЛИ, ф. 1386, оп. 1, № 112, л. 1. Речь идет о книгах: Гроссман Л. П. Путь Достоевского. Л., 1924; Гроссман Л. П. Три современника: Тютчев — Достоевский — Аполлон Григорьев. М., 1922; о причинах, по которым Перцов ценит очерк о Григорьеве из последней книги меньше, чем очерки о Тютчеве и Достоевском, можно судить по его публикуемому письму к Гроссману от 21 января 1927 года.

⁵ РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 121, л. 1.

ние. Это, без сомнения, одна из лучших (столь немногих) у нас работ о Пушкине. Впрочем, это даже сомнительный комплимент. Ибо писали-писали у нас о Пушкине, а что написали? Восторги Белинского, безвкусное фантазерство Ап. Григорьева, академическое лепетание, речь Достоевского о самом себе, наконец, справочники Щеголева,⁴ толстые, как их автор. Относятся к делу только «Заметки» Страхова (но они мелки),⁵ статья Мережковского (но это, наоборот, общая скобка),⁶ превосходная книжка Гершензона⁷ — и вот Ваша. Пятого № я что-то не вспомню.

Главное, что у Вас хорошо, — это реализм оценки. Пушкин именно Пушкин. А этого вот почти никогда не бывает. Все «дерутся Пушкиным», как родители в «Крейцеровой сонате» дрались детьми.⁸ Всякий норовит выдумать своего собственного Пушкина, да позабористее. В этом отношении и Федор Михайлович не лучше других.

Вы взяли Пушкина с неожиданной стороны, и взяли таким, каким он был. Сразу видишь эпоху и человека. И нет этого абстрактного собрания добродетелей, которое обыкновенно покрывается термином «Пушкин». Мне он гораздо больше нравится в этом своем облике «дэнди», как Вы его нарисовали, — в этом ограничении и оформлении. Вопреки трюизму, он далеко не воплощение России, а только ее ампирный поэт. Но красивее ампира не было у нас ничего.

Простите эту рецензию. Но это невольное впечатление чтения. И написана Ваша книжка с той острой сжатостью, которая так редка у нас и так привлекает.

Всего хорошего!

Преданный Вам

П. Перцов.

Вот сейчас прочел еще новое истолкование Пушкина: «Египетские ночи» оказываются «гимном героизму декабристов» (Войтовский, «Ист<ория> русс<кой> лит<ературы>»)⁹ Это, пожалуй, рекорд — хорошо, если только глупости.

П. П.

¹ Речь идет о библиографическом словаре «Писатели современной эпохи» (Под ред. Б. П. Козьмина. М.: ГАН, 1928. Т. 1), куда вошла справка о Перцове, составленная на основе его автобиографии. В перечне лиц, принимавших участие в работе над словарем, Гроссман не упомянут, но, вероятно, как ученый секретарь Литературной секции ГАН он имел некоторое отношение к изданию.

² В 1920—1930-е годы Перцов часто проводил время с весны по осень (а иногда и зиму — см. его письмо Гроссману от 21 января 1927 года, посланное из Костромы) в принадлежавшем его жене М. П. Перцовой доме в селе Иконниково (ныне — в Красносельском районе Костромской области).

³ Имеются в виду «Этюды о Пушкине» (М.; Пг., 1923); далее обсуждается глава этой книги «Пушкин и дэндизм».

⁴ Имеются в виду монографии П. Е. Щеголева, в первую очередь «Дуэль и смерть Пушкина» (1-е изд. — Пг., 1916).

⁵ «Заметки о Пушкине» Н. Н. Страхова впервые вышли в изд.: Складчина: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874; вместе с другими статьями автора вошли в кн.: *Страхов Н. Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888.

⁶ Статья «Пушкин» впервые вышла в составленной и изданной Перцовым антологии «Философские течения русской поэзии» (СПб., 1896), а затем была включена в сборник Д. С. Мережковского «Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы», первые два издания которого (СПб., 1897, 1899) также были осуществлены Перцовым; ее подробный разбор, как и обзор «пушкинских» сочинений других авторов, в том числе А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, см.: *Перцов П. П.* Вопрос о Пушкине в русской критике // Торгово-промышленная газета. Лит. приложение. 1899. № 10. 26 мая. С. 7—8.

⁷ На книгу М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (М., 1919) Перцов дважды ссылается в «Литературных афоризмах». На вечере в память Гершензона в ГАХН 6 марта 1925 года Гроссман выступил с речью «Гершензон-писатель», которая помещена в качестве вступительной статьи в издании: *Гершензон М. О.* Статьи о Пушкине. М., 1926; письма Гершензона Гроссману 1917 года опубликованы: *Гершензон М. О.* «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893—1925 годов / Сост., коммент. Е. Ю. Литвин; послесл. В. В. Сапова. М.; СПб., 2016. С. 78—82.

⁸ Ср.: «С тех пор как были дети и чем больше они росли, тем чаще именно сами дети были и средством, и предметом раздора. Не только предметом раздора, но дети были орудием борьбы; мы как будто дрались друг с другом детьми. У каждого из нас был свой любимый ребенок — орудие драки. Я дрался большие Васей, старшим, а она Лизой» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.] М., 1936. Т. 27. С. 43—44); впервые эта метафора использована Перцовым применительно к пушкинистам в рецензии (Мир искусства. 1900. № 9—10. С. 201) на актовую речь В. В. Никольского «Идеалы Пушкина», произнесенную в торжественном годичном собрании С.-Петербургской духовной академии 17 февраля 1882 года.

⁹ Такой фразы у Войтоловского нет, но автор действительно видит «социально-психологические истоки» «Египетских ночей» (как и некоторых других пушкинских произведений) в том, что Пушкин был захвачен тем же «революционным шквалом», что и декабристы (см.: *Войтоловский Л. Н.* История русской литературы XIX и XX веков. М.; Л., 1926. Ч. 1. С. 47).

Спасибо, многоуважаемый Петр Петрович, за Ваш лестный отзыв о моих пушкинских этюдах. Он искренне порадовал меня и прибавил немного веры в свой труд — самое главное и самое цен-

ное из всех наших переживаний. Ваша автобиография прибыла вовремя и уже включена в издание. Размеры ее не превышают нормы. Желая Вам хорошо отдохнуть и набраться сил для новой работы. Искренне уважающий

Л. Гроссман.

Почтовая карточка. Отправлена по адресу, указанному Перцовым в предыдущем письме. Датируется по штемпелю. Перед текстом рукой Перцова указана дата получения — 7 июня 1926 г.

3

Кострома; Советская, 18

1927 21/1

Многоуважаемый Леонид Петрович!

Перечитываю Ваши этюды о Пушкине с новым удовольствием и поучением, и хочется поделиться с Вами некоторыми мыслями.

Чрезвычайно интересен затронутый Вами вопрос о роли *анекдота* в историческом изложении и понимании.¹ Вы счастливо отметили характерное значение этой формы во всем творчестве Пушкина и связь его в этом со всем стилем XVIII-го века, так же как специфическую ценность анекдота для этого последнего. Теперь нельзя ли это обобщить? Что такое, собственно, «анекдот»? Мне кажется, поскольку речь идет об историческом анекдоте, его можно определить как *пластическую* форму исторического изложения (в противоположность «литературности» обычной «истории»). Анекдот есть скульптурный осколок прошлого — фрагмент его, отмеченный чертами пластики. К нему мы предъявляем те же самые требования, что ко всякому пластическому произведению, — сжатость, рельефность, заостренность впечатления. Анекдот должен быть выпуклым, отграничен от всего иного, самозамкнут — как статуя. Словом, он есть в нашем требовании нечто *формально* ценное. Отсюда вполне понятно тяготение к нему Пушкина — величайшего пластика нашей литературы. Понятны и симпатии к нему XVIII-го в<ека> — столь пластического даже во внешности своих героев (лицо Вольтера, напр<имер>). Совершенно естественно, что история, как Вами отмечено, Пушкину представлялась прежде всего как цепь анекдотов. Несомненно, одно и то же «расположение духа» влекло Онегина к щегольству костюма и к накапливанию в памяти запасного фонда анекдотов. И в этом уклоне Пушкин оказывается «современником» не только XVIII века, но и всего античного мира. В самом деле, обращали ли Вы внимание, насколько проникнута анекдотизмом

древняя история (собственно классическая), насколько ей свойственна стихия анекдота, столь чуждая «литературной» западно-европейской истории? Старик Иловайский не зря рассказывал нам свои анекдоты — вроде собачьего хвоста, отрубленного Алквинадом.² В этом он был ближе к подлинному духу античной древности, нежели новейшие авторы «ученых» учебников, вроде Виппера,³ — столь трудно усваиваемых юношеством, всегда и во всем инстинктивно требующим пластики. Ведь дело, в конце концов, идет тут именно о юности: душа Пушкина, Возрождения, Античности — типично юная душа и, следовательно, типично пластическая. Отсюда и дэндизм Пушкина — кому быть дэнди, кому быть пластиком своего «я», как не юноше? Возвращаясь к истории — что такое сами древние историки, все эти Плутархи, Светонии, Тациты, а по-своему (в форме легенды) и Геродоты, Титы Ливии, как не анекдотисты? Все это, в сущности, «Иловайские», но я уверен, что Пушкин остался бы равнодушен к Ранке или Момзену⁴ и ни за что не променял бы на них своего старого Светония. И вполне возможно, что он был прав.

И знаете, тут открывается, может быть, путь даже к научно точному определению Пушкина, истинный облик которого так безмерно затемнен всевозможными субъективностями (более всего — романтически растрепанным Аполлоном Григорьевым) и которого в столь непластические последние десятилетия русского XIX-го века совсем разучились понимать в его подлинности. Вашу книжку я так ценю именно за то, что она пролагает путь к этой подлинности. В ней *осязаеть* Пушкина — находишь *его*, а не рассуждения о нем, которых мы столько читали. Итак, что же такое Пушкин? Я сказал бы: *ампирный* поэт прежде всего. Мне думается, Вы не будете спорить против эпитета? Именно при таком определении П<ушкин> становится на свое духовно-историческое место. Он — величайшее явление нашего послепетровского пластицизма, стоящее в ряду других конгениальных с ним достижений, как великая архитектура эпохи Елизаветы—Екатерины—Александра, как «Горе от ума», как арка Главного Штаба.⁵ Мы никогда не были такими пластиками, как в тот момент нашей истории, и никогда не будем. Так. Но при этом определении мы обязываемся и к сильному ограничению историко-культурной роли Пушкина — столь безмерно и *бесформенно* преувеличенной как раз в годы его непонимания. Тут тотчас же отпадает пресловутая формула Аполлона Григорьева, которую в статье 1914 г. Вы как будто хотите принять без поправок.⁶ «Пушкин — наше всё»? Конечно, *нет*. Он — поэт только петербургской, петровской России, в рамках которой он еще мог казаться «нашим

всем», но за ее пределами сразу определился в своем ограничении. Нет, — как русский ампир, Пушкин характерен лишь для одной двухвековой полосы нашей истории и вовсе не связан или слабо связан с другими ее полосами. В его европейско-античном пластицизме нет места для Киева, для Москвы — для всего того, что покрывается термином «святая Русь». Не так давно мы начали что-то понимать в нашей старой, забытой в пушкинские столетия архитектуре и в нашей иконописи — и это не Пушкин. Еще раньше Мусоргский осветил нам подлинную Москву (как Суриков, Рябушкин, С. Иванов, Ап. Васнецов, Стеллецкий сделали это кистью), и оперная иллюстрация пушкинского текста осязательно выявила всю «оперность» этого текста.⁷ Нет, Пушкин не знал другой Москвы, кроме грибоедовской. И по этому одному уже он — не наше «всё» (что, по-моему, по крайней мере, — к лучшему). Пушкин — аполлоническая минута нашей литературы и весь принадлежит аполлоническому часу нашей истории, петербургскому периоду. Но Россия — не античная Греция и не Италия Ренессанса, еще менее — Франция XVIII-го века. Основы духа ее совсем иные, и в этом смысле приходится так же «усумниться» в Пушкине, как и в его любимом герое.⁸ И разве не знаменательно, что Медный Всадник стал уже для нас Медным Призраком? Вспомните стихи Вяч. Иванова.⁹

Простите, что занял так долго Ваше внимание. Но, по крайней мере, Вы видите, что у Вас есть прилежные читатели. А сидя в деревне, поневоле прибегаешь к пушкинской же форме общения. Всего хорошего!

Преданный Вам П. Перцов.

¹ Речь идет о главе «Искусство анекдота у Пушкина» из книги Гроссмана «Этюды о Пушкине».

² Эпизод с собакой Алкивиада восходит к Плутарху (см.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*: В 2 т. / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994. Т. 1. С. 248 («Лит. памятники»)). Автора учебников истории Дмитрия Ивановича Иловайского (1832—1920) часто критиковали и высмеивали за использование этого и подобного «анекдотов» в гимназическом курсе (см., например: *Сатирикон*. 1910. № 1. С. 12; *Всеобщая история, обработанная «Сатириконом»*. СПб., 1910. С. 30; *Крупская Н. К. Педагогические сочинения*. М., 1959. Т. 3. С. 111—112; 1960. Т. 9. С. 658). Однако ни в «Древней истории», ни в «Руководстве ко всеобщей истории», ни в других многократно переиздававшихся пособиях Иловайского этот эпизод не упоминается.

³ Роберт Юрьевич Вишпер (1859—1954), автор «Учебника древней истории», впервые вышедшего в 1900 году и впоследствии неоднократно переиздававшегося вплоть до середины 1920-х годов, а также учебников по истории средневековья и Нового времени. В черновом варианте публикуемого письма Перцов характеризует его труды как полные «современного нагромождения сырого материала» (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 61, л. 1 об.).

⁴ Леопольд фон Ранке (Ranke; 1795—1886) — германский историк, известный прежде всего своими фундаментальными работами по европейской истории XVI—XVII вв., а также по истории Пруссии. Основной труд германского историка античности Теодора Моммзена (Mommsen; 1817—1903) — многотомная «История Рима».

⁵ Часть ансамбля Главного штаба на Дворцовой площади в Петербурге; создана в 1827—1828 годах архитектором К. И. Росси и ориентирована на древнегреческие образцы.

⁶ О григорьевской формуле «Пушкин — наше все» («Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая» — Русское слово. 1859. № 2. Отд. 2. С. 11) см. в статье Гроссмана «Основатель новой критики» (Гроссман Л. П. Три современника. С. 44; впервые опубликована: Русская мысль. 1914. № 11).

⁷ Ср.: «Его единственное крупное полотно из старой Руси, “Борис Годунов”, могло казаться подлинной картиной Москвы только петербуржцам. Теперь, после Сурикова, Рябушкина, Ап. Васнецова, Стеллецкого и других, мы не то называем Москвой. Музыка Мусоргского менее “опера”, нежели “либреттный” текст Пушкина» (Перцов П. П. Литературные афоризмы. С. 218); о художнике С. В. Иванове см.: Перцов П. П. Поэт московской вольницы: (Посмертная выставка С. В. Иванова) // Новое время. 1911. № 12574. 15 (28) марта. С. 5.

⁸ Имеется в виду Петр I.

⁹ Речь идет о стихотворении «Медный Всадник», вошедшем в книгу «Сог Ardens»; две заключительные строфы его выписаны Перцовым в записную книжку 1920—1921 годов (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 55, л. 98).

4

Многоуважаемый Петр Петрович, я снова перечел Ваши афоризмы о Пушкине и снова почувствовал их исключительную глубину и полновесность. Сколько свежести и новизны в Вашем видении Пушкина, в какие убедительные формулы отливаются Ваши мысли об этом вечно загадочном образе. Трагедия пушкинского угасания в нескольких словах показана непререкаемо — как и любви его, и последней ненависти. Прекрасно об «ампирном» моменте, о Петербурге и о недоступной Пушкину Руси. Я считаю, что Ваши фрагменты — лучшее, что написано о Пушкине за последние десятилетия. Сквозь замкнутое кольцо этих колодцев чуется их огромная глубина. Мне чрезвычайно близки Ваши построения, и мне понятно, почему Вы отозвались с хвалой о моих пушкинских этюдах, — мы с Вами очень родственно воспринимаем Пушкина, и это искренне радует меня. Надеюсь показать Вам или прочесть отрывки моей хроники¹ — Ваш отзыв был бы исключительно ценен для меня.

Я говорил насчет комнаты.² В принципе дело могло бы устроиться положительно, но есть целый ряд внешних затруднений (домуправление, живущие еще в ней лица и проч.) — но затруднения эти, может быть, удалось бы преодолеть. Я хотел бы лично позна-

комить Вас с нашими племянниками, они во всяком случае очень бы приветствовали благоприятное разрешение вопроса. Но устроит ли Вас то, что комната будет занята до 15 апреля?

Если последнее Вас не пугает, черкните мне с указанием наиболее удобного для Вас времени, я познакомлю Вас с Вашими, быть может, будущими хозяевами.

С искренним приветом

Ваш Л. Гроссман.

12. II. 1929

¹ Гроссман Л. П. Записки д'Аршиака: Петербургская хроника 1836 года. Харьков, 1930. О чуть более раннем чтении Гроссманом этого текста в ГАХН см. дневниковую запись Л. В. Горнунга от 15 декабря 1928 года: «Читали: Чулков из рассказа, Шервинский стихи о Крыме, Новиков из пьесы, Вересаев рассказ и Гроссман французскую хронику о Дантесе и Пушкине» (*Горнунг Л. В. Свидетель терпеливый: Дневники, мемуары / Подгот. текста, предисл., коммент. Т. Ф. Нешумовой. М., 2019. С. 255*).

² Хлопоты о комнате в Москве — один из лейтмотивов писем Перцова этого времени; см., например, фрагменты его переписки с Н. К. Гудзием: *Фролов М. А. Николай Гудзий в переписке с деятелями и историками русского символизма (1922—1940): Эпизоды биографии в свете архивных материалов // Вопросы литературы. 2024. № 4. С. 151*.

5

Москва, 59; Можайский вал, д. 6/А, кв. 5

1929 18/II

Многоуважаемый Леонид Петрович!

Очень благодарен Вам за Ваш сочувственный и столь лестный для меня отзыв о моих пушкинских афоризмах — тем более для меня приятный, что он исходит от писателя, которого я высоко ценю. Вы правы: мы с Вами смотрим на Пушкина с близких, если не тождественных, точек зрения, — и эта точка зрения прежде всего эстетическая. Да и как же смотреть на поэта (так же, впрочем, как и на все прочее в мире), как не с этой «командующей высоты», с которой открывается вся живая цельность явления? Оставим библиографам доказывать, что сущность Пушкина лежит в разночтении текстов, и Щеголеву, что она — в факте Высочайшего к нему неблаговоления. Для меня она прежде всего в его переживаниях, в фактах его личной жизни, которые таким чудесным образом «пресуществляются» у него в факты искусства. Поэтому я приветствую Ваш метод — брать творчество Пушкина как единое целое с его жизнью и с жизнью окружающего его общества, всей его эпохи. Сейчас с большим удовольствием читаю Ваше «Пушкин в театральных креслах», где

так ярко проведен этот метод.¹ Очень буду рад ознакомиться с Вашей новой работой и заранее предвкушаю удовольствие этого знакомства. В особенности я был бы Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным дать мне прочесть рукопись самому, так как при чужом чтении я всегда лишь смутно улавливаю текст.²

Возвращались ли вы к мысли о «Пушкинских тетрадах»? Мне она кажется очень своевременной и интересной. Пушкин, кажется, единственная цитадель, которую еще не захлестнула и даже не пытается захватить волна современности, почтительно расстилаясь у ее подножия. Тем более тянет что-нибудь сделать в этой области. Я писал Андрею Белому о нашем проекте и думаю, что он поддержит его.³ Поговорю также с Ю. Н. Верховским.⁴ Говорили ли Вы с кем-нибудь из поэтов?

Мне хотелось бы ознакомить Вас также с дальнейшими моими «афоризмами» — о Гоголе, Лермонтове, Тургеневе и Л. Толстом.⁵ Они — в ином роде, соответственно «инородности» самих этих писателей сравнит<ельно> с родоначальником, и в них, может быть, слишком сказывается субъективный элемент (о Толстом, напр<имер>, почти сплошная полемика). Но части о Гоголе и Лермонтове кажутся мне естественным дополнением к пушкинской.⁶

Благодарю Вас за устройство комнаты. Если мои обстоятельства позволят мне остаться в Москве до весны и начала лета, то эта комната вполне устраивала бы меня. Но пока я все еще в той же неопределенности, не получая решительных ответов на мои проекты. Как только что-нибудь в этом смысле определится — я извещу Вас и при всех обстоятельствах буду рад познакомиться с Вашими племянниками.

Всего хорошего!

Вам преданный

П. Перцов.

¹ Гроссман Л. П. Пушкин в театральных креслах: Картины русской сцены 1817—1820 годов. М., 1926.

² Перцов с молодости был глуховат; см., например, его характеристику: «Провинциал, человек упрямый, замкнутый, сдержанный (особенно замкнутый потому, может быть, что глухой)» (*Гиппиус Э. Н. Задумчивый странник: О Розанове // Василий Розанов глазами современников / Предисл., сост., подгот. текста и коммент. В. Г. Сукача. СПб., 2022. Т. 1. С. 72*).

³ В письме к Андрею Белому от 12 февраля 1929 года Перцов сообщал: «Среди московских пушкинистов возникла такая идея: попробовать составить и издать сборник новейших статей о Пушкине — или точнее: начать серию таких сборников весьма небольшого размера (листа в 2—3—4) — своего рода “Пушкинских тетрадей”, которые служили бы естественным дополнением к тому “деловому” (биографическому, библиографическому и т. д.) материалу, которого так

много за последние годы вышло о П<ушкине>. Тут нашел бы себе место субъективный, лирический элемент — хотя бы и в сочетании с “деловым”. Что Вы скажете об этой идее? Пришла она в голову мне и Л. П. Гроссману. Не знаю, насколько она осуществима среди теперешних “кризисов”, но попробовать во всяком случае стоит. Я лично думал бы поместить здесь свои “Пушкинские афоризмы” — Вам известные. Не согласитесь ли и Вы принять участие в этой затее? У Вас, наверное, есть (или легко может быть) что-нибудь о Пушкине для подобного сборника, и Вам слишком легко было бы войти в нашу компанию (мы думаем привлечь также кое-кого из молодых поэтов). Между тем теперь к Пушкину интерес так велик, что сборники наверное “пойдут”, а следовательно, дадут и гонорар за материал, сейчас лежащий без движения. Будьте добры — ответьте мне на эту тему и, в случае Вашего согласия, укажите, что Вы хотели бы дать и какого это будет размера? Жду Вашего ответа» (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 243, л. 5—6; письмо частично опубликовано: *Спивак М. Л.* Андрей Белый: Между мифом и судьбой. М., 2023. С. 552—553). Ответное письмо Белого, если оно было, нам не известно. Замысел «Пушкинских тетрадей» не осуществился.

⁴ Поэт Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) был общим знакомым Перцова и Гроссмана. В январе 1926 года Верховский присутствовал на докладах Перцова в ГАХН (см.: *Богомолов Н. А.* Другое литературоведение: Занятия подсекии истории русской литературы ГАХН 1925—1929 // *Русская литература и философия: Пути взаимодействия.* М., 2018. С. 465). Гроссман в 1927—1932 годах состоял вместе с Верховским в «кружке любителей Пушкина» (см.: *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1985. Т. 4. С. 314; подробнее см.: *Соболев А. Л.* Эпизод из истории московской пушкинистики // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 2022. Вып. 36. С. 186—200); он также выступал на праздновании 50-летия Верховского в 1929 году в Доме ученых в Москве (см.: *Горнунг Л. В.* Свидетель терпеливый. С. 666), а написанная им к 75-летию поэта статья опубликована: *Верховский Ю. Н.* Струны: Собр. соч. / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. В. В. Калмыковой. М., 2008. С. 739—746.

⁵ В окончательный текст «Литературных афоризмов» входят еще разделы о Ф. М. Достоевском и В. В. Розанове.

⁶ Пушкин, Гоголь и Лермонтов объединяются Перцовым в триаду, все элементы которой взаимозависимы; см., например: «Как исключительно в Пушкине чувство жизни — так в Гоголе чувство смерти. Они взаимно уравнивают друг друга: Гоголь оттого так и сосредоточен на смерти, что только что Пушкин так много брал от жизни. Тут вся несправедливость духовно-морфологического раздела. Лермонтов — уже по ту сторону смерти, и тем более по ту сторону “легкой”, пушкинской, эвклидовой жизни — “в трех измерениях”. Пушкин и Гоголь — это изначальные + и —; Лермонтов ±» (*Перцов П. П.* Литературные афоризмы. С. 218).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026